

В.В. Чуйко

Свифт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Чуйко**
Свифт / В.В. Чуйко – М.: Книга по Требованию, 2018. – 168 с.

ISBN 978-5-518-02014-6

ISBN 978-5-518-02014-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ству, человекъ военный: Свифтъ хлопоталъ объ аббатствѣ, — король предложилъ ему поступить въ кавалерію! Вслѣдствіе этого онъ вторично принужденъ былъ принять должность секретаря лорда Берклея съ обязанностями домашняго священника. Этимъ путемъ онъ надѣялся получить деканство, которое, тѣмъ не менѣе, дано было другому. Тогда онъ кинулся въ политику и, въ защиту виговъ, написалъ памфлетъ: «Раздоры Афинъ и Рима» (A discourse of the contests and dissensions between the nobles and the commons in Athens and Rome). Памфлетъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе; виги взяли Свифта подъ свое покровительство и, вѣроятно, онъ сдѣлалъ-бы блестящую карьеру, если-бы неожиданное событіе не уничтожило всѣхъ его надеждъ: Вильгельмъ III умеръ. Анна, унаслѣдовавшая ему, держалась партіи тори. Виги принуждены были отказаться отъ власти, а вмѣстѣ съ ними и Свифтъ.

Религіозный вопросъ, который въ царствованіе Вильгельма почти совершенно ступшевался, благодаря политикѣ вѣротерпимости, — теперь снова выступилъ съ новою силою. «Никогда еще я не видалъ и не читалъ примѣровъ такого бѣшеннаго взрыва политическихъ страстей, — писалъ Свифтъ. — Этотъ взрывъ былъ до такой степени общимъ явленіемъ, что даже уличныхъ собакъ я находилъ болѣе свирѣпыми и дерзкими, чѣмъ обыкновенно, а накануне преній по поводу билля, цѣлый комитетъ кошекъ виговъ и тори чрезвычайно бурно и шумно дебатировалъ на крышѣ нашего дома. Но это неудивительно, тѣмъ болѣе, что даже дамы защищаютъ теперь высокую или низкую церковь и изъ ревности къ религіи, забываютъ свои молитвы». Свифтъ въ свою очередь выступилъ въ этой борьбѣ и въ 1704 году написалъ въ защиту, — какъ самъ говоритъ, — высокой церкви свою знаменитую «Сказку о бочкѣ» *). — «Сказка эта, — говоритъ Тэнъ, — есть нѣчто въ

*) Недостатокъ мѣста помѣшалъ намъ помѣстить это произведеніе въ настоящемъ выпускѣ; мы надѣемся посвятить ему отдѣльный выпускъ. — Въ предисловіи Свифтъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ заглавіе своего памфлета: „Моряки имѣютъ обычай, при встрѣчѣ съ китомъ, бросать ему пустую бочку для его забавы; этимъ они отвлекаютъ его вниманіе отъ корабля“. Такимъ обра-

родѣ сокращеннаго изложенія истины и науки. Вотъ почему, подѣ перомъ Свифта, она является сатирой надъ всякой истиной и надъ всякой наукой». Англійское общество, пропитанное уже скептицизмомъ, вывезеннымъ изъ Франціи и Голландіи, съ радостью встрѣтило памфлетъ, который своимъ ѣдкимъ сарказмомъ подрывалъ кредитъ не только протестантскихъ сектъ, но и англиканской церкви. Но кромѣ этихъ безплодныхъ аплодисментовъ, Свифтъ не могъ ожидать ничего другаго. Большая часть этихъ свободныхъ мыслителей принадлежала къ партіи тори, которая въ эту минуту воспользовалась религіознымъ вопросомъ противъ виговъ. Самымъ горячимъ защитникомъ билля, направленнаго противъ вѣротерпимости, былъ скептикъ — Болинброкъ. Въ другихъ слояхъ общества, болѣе религіозныхъ, негодованіе было полное. Королева Анна была возмущена сарказмами Свифта, который впоследствии осмѣялъ ее извѣстнымъ нецриличнымъ сравненіемъ: извѣстно, какимъ образомъ Гулливеръ, на Ляпутѣ, тушитъ пожаръ дворца. Но Свифтъ ошибается: «Сказка о бочкѣ» не могла спасти ни королеву Анну, ни англиканскую церковь. Напрасно Свифтъ проводитъ разницу между фанатизмомъ и религіей, подобно Вольтеру въ его посвященіи папѣ трагедіи «Магометъ», — невѣріе и индифферентизмъ Свифта очевидны. «Сказка о бочкѣ» была любимымъ произведеніемъ Свифта; если вѣрить преданіямъ, онъ началъ писать ее еще въ ранней юности. Въ другихъ произведеніяхъ точно также просвѣчиваетъ этотъ индифферентизмъ, напр., въ памфлетѣ, который онъ написалъ «противъ уничтоженія христіанства» *). Насмѣлки Свифта, которыми такъ восхищались Вольтеръ и французскіе энциклопедисты, окончательно повредили его политическому поприщу: политическія партіи пользовались великимъ сатирикомъ, но боялись его. «Двадцать лѣтъ неотомщенныхъ оскорбленій и непрерывныхъ униженій, внутренняя тревога питаемыхъ и, вслѣдъ затѣмъ, разрушаемыхъ надеждъ, буйныхъ и великолѣпныхъ мечтаній, внезапно поблекшихъ подѣ гнетомъ

зомъ „Сказка о бочкѣ“ должна служить предметомъ забавы для враговъ церкви и отвлечь ихъ отъ намѣренія накинуться на религію.

*) См. въ настоящемъ выпускѣ.

механическаго ремесла, привычка страдать и ненавидѣть, необходимость скрывать свою ненависть и свое страданіе, сознаніе оскорбительнаго превосходства, уединеніе генія, величіе гордости, жгучей злобы и безвыходнаго презрѣнія, — вотъ ядъ, которымъ онъ питался. Болѣе тысячи памфлетовъ втеченіе четырехъ лѣтъ еще болѣе увеличили его раздраженіе прозвищами: ренегата, измѣнника, безбожника. Онъ разбивалъ ихъ, топталъ ногами своихъ враговъ, упивался болѣзненнымъ наслажденіемъ побѣды. Потoki презрѣнія, неутомимая иронія, подавляющая логика, жестокость бойца, который впередъ намѣчаетъ мѣсто, гдѣ нанесетъ смертельную рану своему противнику, — вотъ чувства, которыми онъ былъ проникнутъ и которые разразились у него съ такою рѣзкостью, что этимъ онъ испортилъ свою карьеру и изъ столькихъ высокихъ мѣстъ, къ которымъ онъ протягивалъ руку, ему досталось только мѣсто денана въ убогой Ирландіи. Восшествіе на престолъ Георга I сослало его на этотъ постъ; воцареніе Георга II, на котораго онъ такъ рассчитывалъ, закрыло ему оттуда выходъ. Онъ боролся тамъ сначала противъ народной ненависти, потомъ противъ министерства, наконецъ — противъ всего человѣчества, путемъ кровавыхъ памфлетовъ и отчаянныхъ сатиръ *). Онъ тамъ страдалъ до конца, омраченный старостью, зрѣлищемъ угнетенія и бѣдности, чувствомъ своего безсилія, съ яростью въ душѣ на то, что принужденъ «жить между рабами», скованный и побѣжденный. «Съ каждымъ годомъ, — говорилъ онъ, — или скорѣе съ каждымъ мѣсяцемъ я чувствую въ себѣ все болѣе и болѣе ненависти и жажды мести, — ярость моя до такой степени утратила свое благородство, что унизилась до вражды съ безуміемъ и подлостью порабощеннаго народа, среди котораго я живу». Этотъ крикъ передаетъ вкратцѣ его общественную жизнь; эти чувства составляютъ матеріалъ, данный общественною жизнью его таланту. Онъ находилъ ихъ и въ частной жизни; тамъ они были еще сильнѣе и глубже. Онъ воспиталъ и любилъ чистою любовью одну молодую дѣвушку, очаровательную, обра-

*) „Письма торговца сукнами“, „Рапсодія о поэзіи“ и множество другихъ памфлетовъ объ Ирландіи.

зованную, честную, — Эсфирь Джонсонъ, которая съ дѣтства только его одного любила и почитала. Она жила вмѣстѣ съ нимъ и сдѣлалась повѣренной всѣхъ его тайнъ. Изъ Лондона, во время своихъ политическихъ битвъ, онъ посылалъ ей полный дневникъ всѣхъ своихъ малѣйшихъ дѣйствій... Между тѣмъ, другая молодая дѣвушка, красивая и богатая, миссъ Вангомрай, привязавшаяся къ нему, объяснявшаяся ему въ своей любви и получившая отъ него много доказательствъ его привязанности, послѣдовала за нимъ въ Ирландію, то ревнующая, то покорная, но столь любящая, столь несчастная, что ея письма могли бы разбить самое жестокое сердце. «Если вы будете обращаться со мною такъ, какъ теперь, то я не долго буду васъ стѣснять... Я думаю, что охотнѣе перенесла бы пытку, чѣмъ эти убійственныя, убійственныя слова, съ которыми вы ко мнѣ обращаетесь... О, если бы вы интересовались мною настолько, чтобы эта жалоба могла возбудить въ васъ состраданіе!» Она зачахла и умерла. Эсфирь Джонсонъ, которой такъ долго принадлежало сердце Свифта, страдала еще болѣе. Все перемѣнилось въ домѣ Свифта. Слезы, недоувѣріе, неудовольствіе, ледяное молчаніе, — вотъ, что онъ нашель вмѣсто дружбы и нѣжности. Онъ женился на ней по долгу, но секретно и съ условіемъ, что она будетъ его женою только по имени. Она страдала втеченіе двѣнадцати лѣтъ. Свифтъ при всякомъ случаѣ увѣжалъ въ Англію. Его домъ былъ для него адомъ. Подозрѣваютъ, что въ его любовныя похожденія и женитьбу замѣшалась какая-то физическая немошь. Однажды, Делани, его біографъ, заставши его за разговоромъ съ архіепископомъ Кингоуъ, увидалъ архіепископа въ слезахъ, а Свифта бѣгущаго вонъ съ разстроеннымъ видомъ. «Вы видѣли сейчасъ, — сказалъ прелать, — самаго несчастнаго челоука на землѣ. Но о причинѣ его несчастія вы не должны никогда спрашивать». Эсфирь Джонсонъ умерла; какова была печаль Свифта, какія видѣнія преслѣдовали его, въ какія ужасы повергло его воспоминаніе двухъ женщинъ, медленно исчахшихъ и убитыхъ по его винѣ. — можетъ дать понятіе только конецъ его жизни (онъ умеръ въ 1745 г.). «Пора мнѣ кончить съ этимъ міромъ, .. но я умру съ яростью, какъ отравленная крыса въ своей

щели...» Избытокъ труда и водненій заставлялъ его хворать еще въ молодости, у него бывали головокруженія, онъ переставалъ слышать. Онъ давно уже чувствовалъ, что потеряетъ разумъ. Однажды видѣли, какъ онъ остановился передъ вязомъ, лишившимся верхушки, долго смотрѣлъ на него и сказалъ: «Со мной будетъ тоже, что съ этимъ деревомъ; я умру, начиная съ головы». Память его ослобѣвала; всякое вниманіе другихъ онъ принималъ съ неудовольствіемъ, иногда съ бѣшенствомъ. Онъ жилъ одинъ, мрачный, не будучи въ состояніи читать. Говорятъ, что онъ провелъ цѣлый годъ, не сказавъ ни одного слова, боясь лица человѣческаго, проводя въ хотѣбѣ по десяти часовъ въ день, страдая сначала маниєю, потомъ идиотизмомъ. У него появилась на глазу опухоль, которая не давала ему уснуть въ теченіе цѣлаго мѣсяца, и нужны были усидія пяти человѣкъ, чтобы не дать ему вырвать себѣ глазъ ногтями. Однимъ изъ его послѣднихъ словъ было: «я сошелъ съ ума.» Когда открыли его завѣщаніе, то нашли, что онъ все свое состояніе завѣщалъ на постройку больницы для умалишенныхъ *)).

Еще Тэнъ замѣтилъ, что красота памфлетовъ Свифта заключается въ ихъ акцентѣ. И дѣйствительно, въ нихъ нѣтъ великодушной страстности Паскаля, оглушительной веселости Бомарше, изящной тонкости Курье, но за то въ нихъ есть тонъ подавляющаго превосходства и ѣдкая злоба. Не красоты ищетъ Свифтъ, а пользы. Его «Общественный духъ витовъ», написанный противъ Стиля, является какъ бы обращеніемъ этой манеры, по преимуществу, англійской. Страница за страницей, онъ раздражаетъ Стиля съ такимъ спокойствіемъ, съ такимъ презрѣніемъ, что дѣлается, въ чуже страшно. Бѣдный Стиль, тщеславный вѣтренникъ, въ его тискахъ тоже что Гулливеръ у великановъ: нельзя видѣть безъ состраданія этого неравнаго боя. Такое-же впечатлѣніе представляютъ и «Письма продавца сукномъ». Только въ его время, и благодаря главнымъ образомъ ему, газета въ Англій достигла политическаго значенія. Путь открылъ Дефоз; за тѣмъ Стиль и Аддисонъ основываютъ въ 1709 году газету «The Tattler»

*) Taine, „Histoire de la litterature anglaise“—томъ четвертый

(болтунъ), которая вскорѣ своею популярностью затѣиваетъ журналъ Дефозъ. Въ слѣдующемъ году появляется первая ежедневная газета «Spectator», въ которой господствуетъ литературный элементъ, потомъ «Guardian», въ которой участвуютъ Попе и Берклей. Въ тоже время Пріоръ основалъ «Examiner», для защиты интересовъ тори, съ участіемъ Свифта и Болинброка.

Въ этой журнальной литературѣ, по преимуществу сатирической, господствуетъ практическій духъ англичанъ. Свифтъ въ высокой степени популяренъ, потому что въ своихъ памфлетахъ онъ обращается не вообще къ образованному классу, а ко всѣмъ, могущимъ его понимать, и говоритъ не объ отвлеченныхъ предметахъ, а объ интересахъ насущныхъ, требующихъ не медленнаго разрѣшенія. Въ этомъ и заключалось, главнымъ образомъ, могущество и вліяніе «Examiner»'а». Въ Ирландіи ощущался недостатокъ, въ мелкой монетѣ, вслѣдствіе чего министерство выдало Вуду патентъ на отчеканеніе ста восьми тысячъ фунтовъ стерлинговъ мѣдной монеты. Комиссія, въ которой участвовалъ Ньютонъ, провѣрила монету, нашла ее доброкачественной и одобрила ее. Но противъ этой мѣры Свифтъ взбунтовалъ народъ, утверждая, что монета Вуда не стоитъ и восьмой доли своей номинальной цѣнности. Съ дѣятельностью поистинѣ необыкновенной Свифтъ пускаетъ въ ходъ противъ Вуда, сатиры, легенды, баллады въ прозѣ и стихахъ: въ одномъ стихотвореніи онъ предлагаетъ утопить Вуда, въ другомъ—сжечь его въ расплавленной мѣди. Затѣмъ онъ пишетъ свои «Письма торговца сукнами». «Братья, друзья, соотечественники и товарищи, то что я скажу вамъ теперь, составляетъ,—послѣ вашихъ обязанностей относительно Бога и послѣ заботъ о вашемъ спасеніи,—самый главный интересъ для васъ и для вашихъ дѣтей: вашъ хлѣбъ, ваша одежда, всѣ потребности вашей жизни зависятъ отъ этого. По этому, я настоятельно умоляю васъ, какъ людей, какъ христіанъ, какъ отцовъ, какъ друзей вашей страны, прочесть этотъ листокъ съ величайшимъ вниманіемъ, или заставить другихъ прочесть его. Чтобы вамъ можно было сдѣлать это съ наименьшими расходами, я приказалъ типографщику продавать его по самой низкой цѣнѣ». Послѣ такого предисловія, Свифтъ принимается

за Вуда: «вы говорите, обращается онъ къ министрамъ, что сэръ Изаакъ Ньютонъ представилъ отчетъ, относительно испытанія произведеннаго въ Тоэръ надъ металломъ Вуда изъ котораго оказалось, что Вудъ выполнялъ договоръ во всѣхъ отношеніяхъ. Договоръ? Съ кѣмъ? Съ парламентомъ, или съ ирландскимъ народомъ? Развѣ не ирландцы будутъ его покупателями? Но они презираютъ Вуда, гнушаются имъ, какъ человѣкомъ развращеннымъ, какъ обманщикомъ. Они не принимаютъ его грязн и его снадобья». — «Вашъ журналъ говоритъ, что монета была провѣрена. Какое безстыдство! Вудъ позаботился отчеканить дюжину полу-пенсовъ изъ хорошаго металла, посылаетъ ихъ въ Тоэръ, тамъ одобряютъ, и эти полу-пенсы должны отвѣчать за всѣ тѣ, которые онъ уже отчеканилъ или отчеканитъ въ будущемъ! Правда, что одинъ джентельменъ часто присылаетъ ко мнѣ въ лавку взять образецъ матеріи: я честно вырѣзаю его изъ штуки. Если образецъ ему нравится, онъ приходитъ самъ или присылаетъ каго-нибудь, чтобы сравнить кусокъ съ цѣлою штукой, и повсей вѣроятности, мы сойдимся. Но если-бы я хотѣлъ купить сто барановъ, и если-бы скотоводъ, пришедши ко мнѣ, изъ-за обращика одного барана, жирнаго и съ хорошей волной, захотѣлъ заставить меня заплатить ему такую-же цѣну за сто дугихъ, не позволяя прежде осмотрѣть ихъ, или не давши мнѣ ручательства въ томъ, что деньги, заключенныя за тѣхъ барановъ, которыя окажутся тощими, стриженными или паршивыми будутъ мнѣ возвращены,—то я не хотѣлъ-бы быть однимъ изъ его покупателей. Мнѣ рассказывали исторію одного человѣка, который, желая продать свой домъ, носилъ въ карманѣ кусокъ кирпича, показывая его какъ образецъ, чтобы заохотить покупателей; это тоже самое, что и проба вудовской монеты». Наконецъ, вдоволь осмѣявъ Вуда, возбудивъ недовѣріе къ министерству, которое, по его мнѣнію, получило взятку, Свифтъ даетъ практическій совѣтъ: «простои солдатъ, когда пойдетъ на рынокъ или въ таверну,—при расплатѣ предложить эту манету. Если откажутся принять ее, онъ начнетъ ругаться, бѣсноваться, погрозитъ прибить мясника, или хозяйку таверны, или же насильно возьметъ товаръ и швырнетъ за него свою фальшивую монету.

Въ этихъ и другихъ подобныхъ у случаяхъ, лавочнику или мяснику, или всякому другому купцу не остается ничего болѣе, какъ потребовать за свой товаръ въ десять разъ большую цѣну, если ему хотять платить монетою Вуда, напр. двадцать пенсовъ этой монеты за одну кварту эля и, такимъ образомъ, поступать во всѣхъ другихъ случаяхъ, не отдавая никогда товара прежде, чѣмъ не будутъ выданы деньги». Волненіе, вызванное этими памфлетами, было такъ велико, что правительство принуждено было вмѣшаться. Лордъ-намѣстникъ Ирландіи отправился въ Дублинъ и было назначено вознагражденія въ 300 фунтовъ тому, кто откроетъ автора «Писемъ торговца сукнами». Тогда Свифтъ отправился къ намѣстнику и сказалъ ему: «Очень хорошо, милордъ; вы совершили вчера славный подвигъ своимъ воззваніемъ противъ бѣднаго лавочника, все преступленіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ хотѣлъ спасти свою родину. Этимъ вы показали, чего народъ можетъ ожидать отъ вашего правленія. Вы, конечно, думаете, что за услуги, которыя вы окажете *Вуду*, вамъ будетъ воздвигнута статуя изъ *мьди* *), правительство въ концѣ концовъ принуждено было уступить: оно изъяло изъ обращенія монету и уплатило Вуду значительную неустойку.

Но весь геній Свифта сосредоточился въ «Путешествіяхъ Гулливера»; это нѣчто въ родѣ дневника самаго обыкновеннаго человѣка, хирурга, потомъ капитана, который хладнокровно, здраво описываетъ то, что онъ видѣлъ. Въ фабулѣ, Свифтъ ищетъ правдоподобія и находитъ его, хотя говоритъ о самыхъ неправдоподобныхъ предметахъ. Эта иллюзія такъ велика, что по выходѣ въ свѣтъ «Путешествій Гулливера» многіе лица искали на картахъ острова Лилипутовъ и Лапуты, а одинъ почтенный и извѣстный премать считалъ себя необыкновенно смѣлымъ, утверждая, что все это, вѣроятно, выдуманно. По своему обыкновенію, Свифтъ выпустилъ книгу безъ своего имени и такъ хорошо сохранилъ тайну, что даже лучшія его друзья — Попе, Арбетнотъ не знали, кто авторъ книги и если въ концѣ концовъ, тайна разоб-

*) Непереводаемая игра словъ: *wood* по англійски значитъ дерево.

лачилась то только потому, что нетолько въ Англіи, но и во всей Европѣ не было тогда человѣка, кромѣ Свифта, способнаго написать такой кровавый и жестокой памфлетъ. «Это—произведеніе или Эразма или діавола (Erasmii aut diaboli)»,—воскликнулъ кто-то при Попе. И дѣйствительно, характеристическою особенностію этой книги,—забавляющей дѣтей и наводящей грусть на взрослыхъ,—является неумолимый сарказмъ. Какъ бы ни были жестоки выходки Свифта противъ двора, министровъ, фаворитовъ, царедворцевъ,—они оправдывались въ извѣстной степени, дѣйствительностію, — но Свифту этого мало и въ послѣдней части своей книги («Путешествіе въ страну Гуингмовъ»), онъ выступаетъ противъ всего человѣчества, приходя къ заключенію, что «наша порода есть самая гнусная раса маленькихъ червей, которую когда либо природа оставляла ползати на поверхности земли» Пять лѣтъ спустя, онъ написалъ въ защиту Ирландіи памфлетъ, который есть какъ бы высшее усиліе его отчаянія и его генія *). По мнѣнію Тэна, мнѣнію, котораго нельзя не раздѣлять, — ни одна изъ европейскихъ литературъ не предоставляетъ ничего подобнаго.

*) См. въ настоящемъ выпускѣ: „Скромное предложеніе и проч“. По англійски: „A modest proposal for utilising the children of poor people in Ireland“.

СЕРЬЕЗНЫЙ И ПОЛЕЗНЫЙ ПРОЭКТЪ

устройства

ПРІЮТА НЕИЗЛѢЧИМЫХЪ,

ДЛЯ ОБЩЕЙ ВЫГОДЫ ВСѢХЪ ПОДДАННЫХЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА *).

Смиренное обращеніе къ достопочтенному лорду, — къ достопочтенному сэру — и къ достопочтенному. — *Focunda culproe secula.* —
Горацій.

Ничто такъ не способствуетъ поднятію репутаціи частныхъ лицъ и не дѣлаетъ болѣе чести цѣлому народу, какъ пожертвованія на зданія для пріюта всѣхъ, живущихъ подъ гнетомъ различнаго рода несчастій. Бѣдные и больные избавляются отъ несчастія нуждаются въ помощи, а другіе избавляются отъ несчастія содержатъ ихъ.

Несомнѣнно, что англійскій народъ чрезвычайно склоненъ къ общественной благотворительности, вслѣдствіе чего, почти во всѣхъ частяхъ этого великаго и богатаго города **) и во многихъ прилегающихъ къ нему деревняхъ мы встрѣчаемъ множество различныхъ больницъ, содержимыхъ

*) Этотъ памфлетъ, изданный Фолькнеромъ въ Дублинѣ, въ 1733 г., былъ потомъ запрещенъ, — какъ полагаютъ изъ боязни, чтобы его не приняли за насмѣшку надъ больницей для неизлѣчимыхъ, построенной близъ Дублина.

**) Лондона.